

Марков Евгений Львович

**Барчуки. Картины
прошлого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Львович М.**
Барчуки. Картины прошлого / Марков Евгений Львович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2026. – 452 с.

ISBN 978-5-519-95477-8

ISBN 978-5-519-95477-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ДЛЯ ВСТУПЛЕНІЯ.

Въ этой книгѣ я собралъ свои воспоминанья дѣтства. Они были напечатаны въ разныхъ журналахъ, въ разное время, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — 58 года, въ «Отечественныхъ запискахъ» — 65 и 66 года, въ «Вѣстникѣ Европы» — 74 года. Только одинъ рассказъ печатается въ первый разъ. Рассказы мои отрывочны; въ нихъ нѣтъ никакой внѣшней связи, никакой фабулы или интриги... Но всѣ они — картины одной и той же жизни, одного и того же вѣка, всѣ они — портреты одной семьи. Въ этомъ ихъ внутренняя связь.

Въ наши дни воспоминанья дѣтства изъ 30-хъ годовъ звучать чѣмъ то давно-прошедшимъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Эти воспоминанья относятся къ эпохѣ крѣпостнаго помѣщичества, еще не потрясеннаго сомнѣніями и ожиданьями; они дышутъ тою цѣлостностью настроенья, котораго уже не можетъ

быть въ дѣтяхъ нашего времени, — времени отрицанья, колебаній и переходовъ.

Безхитростныя впечатлѣнія ребенка чужды критическаго отношенія ко злу своего вѣка, и сладкими соками этого зла онъ наслаждается въ полной наивности. Не дѣло его возраста и не дѣло откровенныхъ воспоминаній принимать на себя обязанность обличенья и укоризны. Развѣ онъ виноватъ, если его дѣтство было дѣтствомъ крѣпостной эпохи? Жизнь живется разъ. Заря жизни, — это «златая, съ перстами пурпуровыми, Эось», — всходитъ всегда въ розовомъ свѣтѣ. — Радость перваго трепетанья бытія не забывается сердцемъ, но никогда не бываетъ она такою жгуче-сладкою, какъ въ воспоминаніяхъ человѣка, который окончилъ подъѣмъ въ гору жизни, перешагнулъ роковую границу и начинаетъ съ тихой печалью спускаться по ту сторону, къ закату...

Человѣку дороги его убѣжденія, его взгляды на образы людскихъ дѣлъ... Его мысль неудержимо стремится судить настоящее и прошлое. Но не менѣе дорога человѣку и жизнь сама по себѣ, — *an sich und für sich*, — безъ всякаго отношенія къ направленью мысли, къ практическимъ и умозрительнымъ цѣлямъ, та, о которой говоритъ поэтъ: «жизнь для жизни мнѣ дана».

Этой то именно жизни посвящены мои воспоминанья тому раю непосредственнаго дѣтскаго бытія, когда чело; вѣкъ еще питается плодами одного «*древа жизни*»- не искушаясь еще соблазнительными плодами «*древа познанія*»; когда все въ мірѣ кажется ему «добро зѣло», потому только-что «бысть утро и бысть вечеръ, день первый».

Многіе зрѣлые люди читали въ своё время мои дѣтскіе очерки съ тѣмъ теплымъ чувствомъ, которое диктовало ихъ автору... Молодежь тоже встрѣтила живымъ сочувствіемъ эти понятные ей, ей близкіе, и беззавѣтно правдивые рассказы. Это обстоятельство ободрило насъ къ тому, чтобы собрать отрывочные, въ разныхъ мѣстахъ, разсѣянные рассказы въ отдѣльную книгу...

Среди бѣдности и натянутой искусственности нашей дѣтской литературы, быть можетъ, будетъ не лишнею и эта книга, въ которой во всякомъ случаѣ будутъ звучать для дѣтей одни простые и сердечныя ноты. Въ ней нѣтъ никакой тенденціи, какъ нѣтъ ея и въ самой жизни. Она не навязать дѣтямъ какого-нибудь готоваго взгляда, не возьметъ на себя претензіи изобразить имъ міръ лучше, чѣмъ онъ есть, утайкой одного, подмѣною другого... Но она, быть-можетъ.

подниметь въ сердцѣ ребенка ту радугу дѣтской поэзіи и любви, безъ которыхъ такъ жестка и себялюбива бываетъ жизнь...

Авторъ былъ бы вполне награжденъ, еслибы и зрѣлому читателю, подавленному суровыми «злобами дня», книга эта могла сколько-нибудь живо напомнить тѣ невозвратныя мгновенья дѣтскаго счастья, «когда еще намъ были новы всѣ впечатлѣнья бытія», — безпечальныя радости той жизни, про которую Гёте сказалъ устами умирающаго Вертера: «прекрасная жизнь! сладкая привычка бытія и порывовъ!»

Евгеній Марковъ.

С. Александровка.

20-го февраля 1875 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.	1. Нашъ Илья Муромецъ.
	2. Обращеніе въ христіанство
	3. Набѣгъ черкесовъ
	4. Чики-чики-чикъ!
	5. Новый свѣтъ
	6. У караульщика на соломѣ
	7. Бабушкина горница
	8. Пріѣздъ дяди
	9. Битва подъ Семибраткою.
	10. На своихъ
	11. Ячница
	12. У Митрофанія
	13. Подъ смоковницею своею и подъ виноградомъ своимъ
ЧАСТЬ II.	1. Дѣтская
	2. Святки
	3. Романка—ткачъ.

4. Патепская церковь. .
5. На волѣ
ЧАСТЬ III. 1. Ушанъ.
2. Вечеръ на постояломъ.
3. По лѣсу
4. Коренная.
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Schönes Leben! Süsse
Gewohnheit des Daseins und
Treibens....
Goethe.

I.

Нашъ Илья-Муромецъ.

Исторія застаётъ меня курносымъ и черномазымъ мальчуганомъ съ взъерошенными волосами, въ холстинковой рубашкѣ безъ пояса, въ башмачонкахъ съ опустившимися до полу чулками. Лобъ у меня былъ крутой и круглый, какъ согнутое колѣно, глазенки калмыцкіе, но черные и угольки, волосы вились и путались. Ходилъ я, посматривая исподлобья и выпятивъ животъ, словно беременная баба; ногами шмыгалъ, а руками цѣплялся за все, мимо чего проходилъ. Звали меня собственно Гриша, но этого христіанскаго названія ни я, ни вы, читатель, ни разу не могли бы услышать за безчисленнымъ множествомъ кличекъ и сокращеній, ключъ къ которымъ извѣстенъ былъ только Богу, да мнѣ.

Зналъ я тогда, что живу въ Лазовѣ, что папенька—баринъ, а мы—барчуки, маменька—барыня, а сестры —

барышни; что у насъ есть лакеи, дѣвки, дворня и мужики. Цѣну нашей Лазовки я полагалъ въ миллионъ; въ это заблужденіе ввелъ меня одинъ разъ всеобщій нашъ споръ между собою, при участіи обѣихъ нянекъ, Аѳанасьевны и Натальи. Илюша говорилъ, что тысяча, Аѳанасьевна—что сто тысячъ, а Боря отстаивалъ, что миллионъ. Онъ былъ старшій, и мы ему повѣрили.

Я вѣрилъ, что нѣтъ вещи выше нашего дома, кромѣ трехъ итальянскихъ тополей, стоявшихъ передъ балкономъ въ саду. Эти тополи носили у насъ человѣческія названія: жиденскій и пониже назывался отецъ Симеонъ, толстый и высокій—дьяконъ, а третій, слегка растрепанный, почитался за дьячка. Въ нашихъ глазахъ очертанія ихъ имѣли разительное сходство съ фигурами деревенскаго причта.

Папеньку я считалъ страшнѣе и могущественнѣе всѣхъ людей, и признавалъ за нимъ безусловное право всѣмъ приказывать и всѣхъ наказывать. Даже при мечтаніяхъ объ опасности войны, меня долго успокоивала мысль, что французы меня не смѣютъ убить, потому что я папенькѣ скажу.

Идеаломъ физической силы и безстрашія я признавалъ брата Петра, который очень часто выворачивалъ мнѣ руку и давалъ тумака между лопатокъ. Про Петрушу мы знали нѣсколько древнихъ сагъ, прославлявшихъ его храбрость: онъ схватилъ за горло огромную лохматую овчарку, сорвавшуюся съ цѣпи; онъ вышибъ кулакомъ дверь чулана, въ который его заперли за наказа-